

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

А. Г. Дружинин¹

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ЦЕНТРО-ПЕРИФЕРИЙНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Современная Россия – страна больших (масштабных по своим амplitудам и следствиям) изменений и существеннейших территориальных социально-экономических контрастов. Пространственная организация российского общества динамична, иерархична и крайне усложнена, что предопределяет многообразие региональных и локальных ситуаций **этнокультурного диалога**, важнейшими составляющими которого в настоящее время выступают:

– взаимодействие русской культуры с этнокультурными комплексами других народов многонациональной России (данные переписи 2010 года вмещают информацию по 200 народам; доля русских в общей численности населения составляет почти 78 %, в совокупности с остальными славянскими народами достигая 80 %; в этнодемографической структуре страны также велика доля «тюркской составляющей» – 8,4 %; автохтонных народов Северного Кавказа, без учёта тюркоязычных, – 4,5 %; в несколько меньшей степени представлены этносы Закавказья – 1,4 %, а также представители финно-угорских народов – около 2 %);

– межконфессиональное взаимодействие (исходя из этнического состава населения, доля потенциальных приверженцев Православия на территории Российской Федерации может быть оценена в 84 %, Ислама – 10,5–11,0 %, Буддизма – 0,6 %, Протестантизма – 0,2 %, Католицизма и Иудаизма – по 0,1 % [1]).

В силу специфики локализации этносов (и в целом общественно-географических реалий), этнокультурный диалог в России в существенной мере имплантирован в матрицу центрo-периферийных взаимодействий, «урбоцентричен», трансграничен («выплёскивается» за границы субъектов Федерации, равно как и за оконтуривающие российскую юрисдикцию рубежи),

¹ **Дружинин Александр Георгиевич**, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

обретая ипостась межрегиональных и межстрановых (межгосударственных) взаимодействий.

Будучи для России традиционно фундаментальной, «стержневой», проблематика этнокультурного диалога обрела особую актуальность в постсоветский период. Распад СССР, появление новых границ и геополитических субъектов (повлекших за собой переориентацию хозяйственных и гуманитарных связей, расчленение прежде единого геоэтнокультурного пространства), массовые миграции, рост этнического и конфессионального самосознания, коррекция позиций страны в международном разделении труда и рост центро-периферийных градиентов, доминирующая установка на экономическую выгоду (причём, в подавляющей массе ситуаций, групповую, персонифицированную) – всё это благоприятствует территориальной социально-экономической фрагментации (в том числе и анклавизации), существенно модифицируя базовые условия хозяйствования, социально-демографического и, соответственно, этнического воспроизводства и межкультурного диалога.

Важнейшим фактором (и трендом) постсоветских этнодемографических изменений выступает, в частности, устойчивая **депопуляция** подавляющей части территории Российской Федерации. С 1989 по 2010 гг. население России сократилось на 4117 тыс. (или на 2,8 %), причём интенсивность процесса в 2002–2010 гг. оказалась существенно выше (283 тыс. человек, в среднем, ежегодно), чем в предшествующий межпереписной период (142 тыс.). Заметим, кстати, что российская депопуляция (проявляя себя как долговременный инерционный тренд с присущими ему конкретными географическими следствиями и проявлениями) имеет не только абсолютное, но и относительное, более масштабное по своей ретроспективе измерение. За 1900–2010 гг. доля России (в её современных территориальных «рамках») в мировом населении снизилась с 4,5 до 2 %. К 2050 году данный показатель, согласно авторским расчётам, не превысит 1,5 % [2].

Весь постсоветский период большинство регионов Центральной России и Урала интенсивно теряло население. За 1989–2010 гг. на 3,5 млн. (или 14 %) сократилась численность жителей регионов Сибири и Дальнего Востока, заменяя собой обший «сдвиг» демографического потенциала на запад, в европейский мегарегион страны. Удельный вес азиатских районов в численности населения России, неуклонно росший на протяжении почти всей советской эпохи и достигший в 1980-е годы (от итога по тогдашней РСФСР) почти $\frac{1}{4}$, за двадцать лет сократился до $\frac{1}{5}$.

На фоне выраженного «обезлюдивания» подавляющей части территории страны, население (вне зависимости от его этнической и конфессиональной принадлежности) устойчиво концентрируется в немногих лидирующих в социально-экономическом отношении регионах и урбанистических центрах (крупных городских агломерациях), всё в более заметной мере выступающих, в этой связи, «*фокусами*» *полиэтнических взаимодействий*.

Следует учитывать, что в современной России притягательность для населения той или иной конкретной территории предопределяется наличием у неё эффективных производств (ориентированных, прежде всего, на экспорт), её общей «демографической массой», локализацией крупных городских агломераций, развитостью инфраструктуры. Столь же существенны транспортная доступность от столицы и других важнейших логистических центров (Санкт-Петербурга, Владивостока, Калининграда, Новороссийска, Ростова-на-Дону и др.), линий внешнеэкономической коммуникации, а также эффективность менеджмента, имидж территории. Возможности развития экономики и состояние системы расселения в более значительной мере (чем ранее в советский период) зависят от имеющейся природно-ресурсной базы, включая наличие и продуктивность сельскохозяйственных земель. В постсоветской России существенным фактором социально-экономического успеха территории является и её статус, что наиболее характерно для городов: в новой архитектонике центрo-периферийной территориальной организации российского общества в выигрыше оказались главным образом столицы, в первую очередь федеральные. Не случайно, основным демографическим аттрактором в общероссийском масштабе выступает г. Москва, чьё население за два межпереписных периода выросло на 30 %; с 1989 года москвичами стали не менее 4,5 млн. мигрантов, что эквивалентно 40 % населения города.

Контрастна (в сопоставлении со среднероссийской) и ситуация в ряде республик Северного Кавказа, чьё преимущественно аграрное население благодаря сохраняющемуся высокому естественному приросту (достигающему в Республике Ингушетия и Чеченской Республике 27–30 %) за постсоветский период выросло более чем на 30 %.

Включение в состав РФ новосозданного (и, безусловно, тяготеющего к Югу России) Крымского федерального округа (2,3 млн. жителей) ещё рельефнее высветило юго-западный вектор «перетока» населения России, одновременно усиливая дисбаланс между социальными приоритетами (и ожиданиями) южно-российских территорий и их фактическими экономическими трендами и возможностями.

В последнее десятилетие темпы естественной убыли населения (основной причины депопуляции) в общероссийском масштабе постепенно сокращаются. Тем не менее, даже в относительно благополучные 2010–2013 гг. в 22 регионах страны коэффициент естественной убыли превышал 5 ‰; в ещё девяти – оставался выше 3 ‰; при этом в 47 субъектах РФ численность населения сокращалась [3]. В перспективе, к концу второго десятилетия XXI века естественная убыль (под воздействием эффекта «демографической волны») вновь неизбежно возрастет, а депопуляция (при пролонгации современных социально-демографических условий «нулевых» годов) практически повсеместно обретёт силу, равно как и корреспондирующий с ней, последовательно

разворачивающийся процесс «этнического замещения», в свою очередь чреватый этнокультурными трансформациями и геополитическими рисками.

Важнейший, напрямую проецирующийся на масштаб и географию внутрироссийского этнокультурного диалога аспект российской депопуляции – опережающее (за межпереписной период – на 4,4 %) *сокращение численности государстваобразующего этноса – собственно русского населения*. За последний межпереписной период (2002–2010 гг.) частичная «дерусификация» этнической структуры населения оказалась характерной для 72 регионов России [4]. Причём, если в целом по стране доля русских в этнической структуре населения за последний межпереписной период сократилась на 2,1 процентных пункта, то, к примеру, в Калужской области – на 7,5, Рязанской области – 5,5, Тверской – 5,9, Новгородской – 5,3, Республике Мордовия – 7,7, Кировской области – 8,0, Астраханской области – 8,6 %. Тем не менее, собственно русский этнический компонент продолжает оставаться преобладающим (более 50 %) в 77 субъектах РФ; в 58 регионах удельный вес этнических русских в населении превышает 75 %. И только в 12 субъектах Федерации (имеющих статус «республики») русские составляют менее 50 % населения, причём, минимален удельный вес русского населения в юго-восточном секторе Северного Кавказа: Республике Дагестан (3,2%), Чеченской Республике (1 %) и Республике Ингушетия (0,5 %).

Разумеется, в сопоставлении с СССР (в его структуре доля этнических русских составляла 50,8 %) современная Россия в целом существенно более однородна по этническому составу. Однако с учётом всей истории соразвития российских этносов, их современной локализации и специфики федеративного устройства страны – её *не верно (и опасно!) воспринимать исключительно как мононациональное государство*, тем более, учитывая, что удельный вес русских в населении стабильно сокращается: в 2002 – 79,8 %; в 2010 – 78 %. К 2050 году (если тренд не изменится) соответствующая цифра снизится до 68 % (непосредственно на Юге России, включающем северокавказские республики и Калмыкию – до 55%) [2]. Рост **полиэтничности России**, в этом контексте, обретает черты долгосрочной тенденции, географически проявляясь в сложной чересполосице моноэтнических (и моноконфессиональных) и полиэтнических территорий, росте и «укоренении» иноэтнических диаспор, наличии обширных этноконтактных зон и разномасштабных ареалов с интенсивной трансформацией этнодемографической структуры.

Важно, при этом, осознавать, что как в 1990-е, так и в первую половину 2000-х годов «дерусификации» этнической структуры населения России в целом противодействовали характерные для того периода миграционные векторы. За первые 15 постсоветских лет (1991–2005гг.) титульные для стран «нового зарубежья» национальности увеличили население России всего на 542 тыс. человек, тогда как за счет иммигрантов русской национальности оно возросло на 5231 тыс. [5]. Именно трансграничная миграция все предшествующие годы не только поддерживала демографический потенциал страны, но и консер-

вировала, стабилизировала её этнодемографическую структуру. Если, абстрагируясь от реалий, полностью исключить из расчётов «фактор миграции», то из 147 млн. россиян (1989 г.) к 2002 г. на территории Российской Федерации должно было бы «остаться» порядка 139 млн.; перепись же 2002 г. «показала» наличие около 145 млн. человек. Цифра эта под воздействием существенных темпов естественного спада (особенно в первую половину 2000-х гг.) к 2010 г. могла превратиться в 140 млн., но фактически (согласно итогам переписи) в России оказалось зафиксировано 142,9 млн. жителей. Учитывая, что страну с 1989 г. покинуло до 2 млн. граждан, только статистически «улавливаемый» демографический поток в Российскую Федерацию за 1989–2010 гг. оказался не менее 14 млн. человек. То есть практически каждый десятый из прошедших процедуру переписи в 2010 году – иммигрант постсоветского периода. Сформировав, при этом, достаточно многочисленную, рассредоточенную по многим странам и метарегионам планеты диаспору (Германия, США, Великобритания, Израиль и др.) и испытывая депопуляцию, современная Россия, таким образом, одновременно выступала (и продолжает выступать) и как *активно заселяемая извне страна*.

Инициированный распадом СССР (к тому моменту из 145 млн. русских 25,2 проживали за пределами РФ [6]), миграционный приток этнических русских в Россию, в то же время, год от года стабильно сокращался (по оценке Л. Л. Рыбаковского, в 2000г. из постсоветских стран в Российскую Федерацию прибыло русских в 2.6 раза меньше, чем в 1995г., а в 2005г. – в 2.1 раза меньше по сравнению с 2000 г. [5]). Со второй половины 2000-х гг. всё более *значимым ресурсом восполнения демографических потерь России выступают преимущественно тюркские* (и исламские по доминирующей конфессии) *государства Средней Азии* (бывшие союзные республики). Симптоматично, что за последние пять лет (2007–2012 гг.) доля граждан среднеазиатских стран в общем сальдо миграции в Россию (даже по официальной, не учитывающей обширную теневую составляющую статистике [3]) возросла с 9,7 до 28,7 %; при этом, сам миграционный приток из данного макрорегиона (более чем наполовину представленный выходцами из Узбекистана) увеличился в 3,6 раза. Уже сейчас это придаёт российской депопуляции черты **масштабной культурной** (поведенческой, ценностной) **трансформации**, ставя её в прямую зависимость от динамики и направленности интеграционно-деинтеграционных процессов в быстро видоизменяющей свой социально-экономический и этнодемографический «ландшафт» полицентрической Мега-Евразии [7].

Учёт сложившейся к настоящему моменту возрастной структуры населения России и ряда сопредельных с ней государств (включая постсоветские, активно вовлечённые в процесс миграционного обмена с Российской Федерацией) и осуществлённый на этой основе прогноз (методом «подвижки» генераций) численности населения (таблица), позволяет полагать, что основные современные «демографические доноры» России (Узбекистан, Киргизия, Тад-

жикистан), при пролонгации сложившихся в Евразии центрo-периферийных градиентов, в грядущие три с половиной десятилетия *будут способны* предложить нашей стране в совокупности порядка 7–8 млн. мигрантов, что, тем не менее, лишь на 20 % сможет восполнить российские «естественные» демографические потери. Ещё менее ощутимым компенсатором грядущей российской депопуляции, как видится, способен стать вероятностный исход части русского населения с территории Украины: даже при развитии ситуации в этой стране по крайне неблагоприятному для русских сценарию, поток мигрантов в Россию вряд ли превысит 1–1,5 млн. человек; кроме того, рост межэтнического противостояния на фоне устойчивой общеэкономической деструкции, вероятно, увеличит эту цифру втрое (за счёт, также, представителей украинского этноса), но и это ощутимо не изменит демографический тренд Российской Федерации, заметно контрастирующий с перспективой ряда её южных «евразийских соседей».

Таблица

Прогноз численности населения России и её «евразийских соседей» (без учёта фактора международной миграции)*

	Численность населения, 2013 г., тыс. чел.	Доля (усреднённо) годовой генерации в диапазоне 25–54 лет в населении, %	Доля (усреднённо) годовой генерации в диапазоне 0–14 лет в населении, %	Изменение доли генерации за 2012–2045 гг.	Гипотетическая (на основе учёта ожидаемой «подвижки» генераций) расчётная численность населения к 2045–50 гг.
Россия	142500	1,53	1,06	0,69	98325
Азербайджан	9590	1,50	1,51	1,01	9685
Армения	3064	1,53	1,15	0,75	2298
Афганистан	31108	0,99	2,84	2,87	89279
Грузия	4942	1,41	1,02	0,72	3558
Иран	79853	1,51	1,57	1,04	83047
Казахстан	17736	1,42	1,65	1,16	20573
Киргизия	5548	1,31	1,98	1,51	8377
Таджикистан	7910	1,28	2,23	1,74	13763
Туркменистан	5113	1,39	1,78	1,28	6544
Турция	80694	1,42	1,72	1,21	97639
Узбекистан	28661	1,42	1,69	1,19	34106
Украина	44573	1,5	0,93	0,62	27635

* составлено автором

Как видим, уже к середине XXI века можно уверенно прогнозировать ощутимый «прирост» демографической «массы» Турции (государства, концентрирующего половину тюркоязычного населения планеты и, в этой связи, обладающего существенным потенциалом этнокультурного влияния во многих регионах постсоветского пространства [8]) и, в несколько меньшей мере, Ирана; поистине «взрывные» темпы демографической динамики сможет продемон-

стрировать Афганистан.¹ Миграционное «поведение» населения этих стран, их геоэкономическое положение, геополитическая позиция, равно как и геокультурная специфика, – уже в среднесрочной перспективе, как видится, станут оказывать всё возрастающее влияние на характер **этнокультурного диалога** во многих регионах и субрегионах России, предопределяя *приоритетность в нём русско-тюркского межэтнического взаимодействия, а также соразвития конфессиональных систем Православия и Ислама*.

Наблюдаемый этнодемографический тренд проецируется на этнокультурную ситуацию, предопределяет её перспективу (предугаданную, в частности, почти полтора столетия тому назад И. Гаспринским, полагавшим, что «...в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что... нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы» [9]); это не только актуализирует проблематику межкультурного диалога, но и существенно расширяет его общественно-географический контекст, обретающий свойства метарегионального, интерцивилизационного, всё ощущаемее созвучного трендам глобализации, европейской и евразийской интеграции. Всё это, как представляется, требует скоординированной активности российского общества по ряду приоритетных направлений:

– Во-первых, сверх чуткого отношения к этнической составляющей территориальной социально-экономической и культурной динамики, действенных усилий по гармонизации межэтнических отношений, в том числе мерами социально-экономической и региональной политики. Думая о России и всё в возрастающей мере осознавая её общественно-географические реалии как *единство разного* (по этнодемографической структуре, доминирующему хозяйственному укладу, уровню и образу жизни, ландшафтным особенностям и т. п.), фокусируясь на присущих стране тенденциях и проблемах, важно, одновременно, видеть их *преимущественно общеевразийский (трансконтинентальный) генезис и масштаб*, учитывать многообразие всё успешнее «преодолевающих» сетку государственных границ центрально-периферийных (экономических и культурных) связей. Культивирование адаптивных (учитывающих региональный и локальный хозяйственный, селитебный, природно-ландшафтный, ментальный и иной контекст) подходов и решений в политике и в экономике необходимо сочетать с многовекторной (верно сказано: Россия – страна *многососедского* положения [10]) геополитической, геоэкономической и геокультурной стратегической активностью в метарегионе Евразии.

– Во-вторых, *продолжения целенаправленной реконструкции русского (великорусского) этноса*, как основы российской государственности (учитывая, что в прошлом столетии именно ассимиляция обеспечила до 50 % прироста численно-

¹ Если для Турции и Ирана рост численности населения выступает значимым фактором экономического лидерства, внешнеполитического и культурного влияния, то развитие ситуации в Афганистане продуцирует риски всё возрастающего «давления» этой страны (миграционного и силового) на сопредельные государства Средней Азии с практически неизбежной эскалацией эмиграции из них в направлении российских территорий.

сти русского населения [6]), и воссоздания (в новых, продолжающих стремительно меняться условиях) адекватной России суперэтнической целостности. Следует, при этом, учитывать, что в России происходит неуклонное сокращение гомогенности как русского, так и нерусского населения. За период одновременной жизни трех поколений этнически гомогенными могут себя считать 60 % русских и 40 % нерусских (этнически неопределенными, соответственно, 17 и 20 %). Почти 1/10 гетерогенных лиц русской национальности участвует в межэтническом обмене при смене одного поколения другим. Вероятно, понадобится менее столетия, чтобы доля «чистокровных» русских опустилась до 50 % численности русского этноса [11]. В этой связи важнейшей стратегической задачей становится обеспечение территориальной (равно как и политико-экономической, социо-культурной) целостности Российской Федерации и противодействие деструктивной, разрушительной для России (и, к сожалению, как свидетельствуют итоги социологических опросов, достаточно популярной [12]) идее построения русского «национального», моноэтнического государства. *Ведь только территориально единая, экономически эффективная, политически устойчивая и социально благополучная, открытая для трансграничных взаимодействий (в том числе и для иноэтнических миграций) Россия может обеспечить стабильное полноценное «присутствие» русской культуры и на постсоветском пространстве, и в мире в целом.* При этом, фактор российского государства, его юрисдикции, включённости той или иной территории в экономическое и культурно-информационное пространство России выступают весьма существенными для воспроизводства русской культуры обстоятельствами. Показательна, в этой связи, ситуация на российском Кавказе. Стабилизация социально-политической обстановки, равно как и более тесная интеграция соответствующих территориальных общностей в российскую экономику (посредством бюджетного механизма, «отходничества», развития рекреации и др.) – благоприятствовали укреплению позиций русской культуры в данном макрорегионе. Симптоматично, что за последний межпереписной период в локализованных на Юге России национальных республиках доля лиц, *не владеющих русским языком*, сократилась с 9,6 до 6,8 %, т. е. более чем на 160 тысяч человек (для чеченцев подобное изменение оказалось наиболее существенным – с 19,1 до 8,1 %). Ключевым для будущего России вопросом становится также **адаптационный и ассимиляционный потенциал русской культуры**, её способность самосохраниться (и, отчасти, измениться), восприняв, «отфильтровав» и «переработав» обширнейшие «волны» культурных инноваций, привносимых и с Запада, и с Востока, и из сопредельных государств Евразии (не могу не сказать, как изумительно чётко и точно эту мысль сформулировал в недавнем общении со мной в Севастополе один молодой крымский татарин: «если не сохраним русских, сами все потонем...»). Столь же необходимы, впрочем, и адекватные, чёткие, разделяемые подавляющей частью российского общества представления об идентичности нашей страны

(вопрос этот до сих пор не решен [13, с. 41]), включая её цивилизационный, а следовательно, и географический аспект.

– В-третьих, учитывая, что планета всё ощутимее перенаселена, а её базовые ресурсы в целом дефицитны и являются объектом возрастающей геоэкономической конкуренции, долгосрочная и устойчивая пролонгация русского этногенеза (стабильное воспроизводство соответствующей геоэтнокультурной системы Великороссии [14]) немыслима вне реализации последовательной **стратегии удержания территории**, что практически ныне означает её **реосвоение**, существенное повышение капитализации, снижение (насколько это возможно) экономических, транспортно-коммуникационных и культурных барьеров между группами регионов. Возможностей для этого у России (где, в силу преимущественно институциональных обстоятельств, всё гиперзатратно – строительство и сохранение в рабочем состоянии инфраструктуры, обеспечение трансграничных потоков сырья, товаров, поддержание жизнедеятельности городов и в целом системы расселения) в настоящий момент, к сожалению, катастрофически мало. Практически исчерпана эндогенная ресурсная база реосвоения (требующего высокой мотивации, мобилизации и сверхжертв); оно уже не может вестись ни за счёт российской деревни, ни в существенной мере деградировавшей в постсоветский период индустриальной базы. Сохраняющиеся источники природной ренты («развёрнутые» в сторону крупнейших российских городов и глобальных урбанистических сетей) по политико-экономическим и социальным причинам также практически недоступны. В подобных условиях, когда любое ухудшение экономической конъюнктуры чревато эскалацией регионального эгоизма и сепаратизма, проблематика сохранения территории России не может не корреспондировать с существенными подвижками в политико-экономических отношениях «по поводу» освоения территории, использования её потенциала. Крайне актуализирована, при этом, не только *«фесоциализация» базовых ресурсов страны*, но и *«неорегионализация» России* на основе развития полимасштабной и многополюсной сети организующих территорию урбанистических центров с акцентом на государственную и корпоративную поддержку региональных столиц, «смыкание» ареалов их влияния (за счёт целенаправленной инвестиционной, инфраструктурной и тарифной политики), синхронизацию процессов экономической модернизации, реализацию необходимых (с «поправкой» на специфику территории) структурных и институциональных изменений во всех без исключения регионах полиэтнической России.

Литература

1. Арена. Атлас Религий и Национальностей Российской Федерации. Режим доступа: <http://sreda.org/arena>.
2. Дружинин А. Г. Демографо-экономическая динамика регионов Юга России: долговременные тренды и новые тенденции в российском и гло-

бальном контексте // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2012. № 1 (4). С. 3–16.

3. Демографический ежегодник России. 2013. М. Росстат. 2014.
4. Дружинин А. Г. «Северокавказская составляющая» трансформации этнической структуры регионов России: (аналитика и комментарии к итогам всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.) // Южно-российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2013. № 2 (7). С. 3–15.
5. Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал стран нового зарубежья и условия его привлечения в Россию // Социологические исследования. 2009. № 2.
6. Кабузан В. Русские в мире. СПб, 1996.
7. Дружинин А. Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.
8. Дружинин А. Г., Ибрагимов А., Башпекан А. Взаимодействие России и Турции в постсоветское время: факторы, тенденции, проблемы, перспективы // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145. Вып. 5. С. 78–87.
9. Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения. Симферополь, 1881.
10. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
11. Рыбаковский Л. Л., Сигарева Е. П., Харланова Н. Н. Этнический фундамент населения России // СОЦИС. 2001. № 4.
12. Левада-центр. Как Вы относитесь к идее «Россия для русских». <http://www.levada.ru/archive/mezhetnicheskie-otnosheniya/kak-vy-otnosit>.
13. Национальная идея России. В 6 т. Т. I. М.: Научный эксперт, 2012. 372 с.
14. Дружинин А. Г. Русский регионализм – явление в контексте геотнотультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996, № 1. С. 3–10.

В. Н. Федорко¹

НАУЧНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРИРОДНО-ХОЗЯЙСТВЕННОГО РАЙОНИРОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА

Метод районирования широко применяется во всех науках географического цикла для пространственного анализа природных и общественных явлений.

¹ **Федорко Виктор Николаевич**, магистр географии, учитель географии в средней общеобразовательной школе № 233 г. Ташкента (Ташкент, Узбекистан).